

Павел Романов
Елена Цыглакова
Елена Ярская-Смирнова

МАТЬ, РАБОТНИЦА, КЛИЕНТКА? СОЦИАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСТВО ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ

В России, как и на Западе, форма и роль семьи как социальной и экономической единицы изменялась в течение всего XX века, а особенно во второй его половине. С распадом СССР в период перехода к рыночным отношениям, трансформации продолжались и усиливались в связи с экономическими трудностями и ухудшением условий повседневной жизни многих людей. В данной статье речь пойдет об одном из наиболее значимых проявлений этих изменений семейной структуры, а именно — о возрастании числа монородительских семей. В задачи статьи входит анализ положения семей одиноких матерей в провинциальной России, оценка влияния государственной социальной политики на одиноких родителей и детей. В результате демографических изменений брачного и репродуктивного поведения одинокое родительство становится все более распространенной формой российской семьи. Существующая система социальной политики и, в частности, новые программы адресной помощи способствуют формированию среди граждан государства устойчивых групп — клиентов системы социального обеспечения. В статье анализируются практики социального обслуживания одиноких матерей в областном центре и малом городе на материале интервью с женщинами — клиентами и социальными работниками¹.

Теоретический контекст. Название статьи отсылает к пониманию гражданства как статуса, который обеспечивает доступ к определенным правам, в том числе политическим и социально-экономическим. Такие права обладают универсальным характером, и ответственность за их соблюдение лежит на государстве. Согласно концепции Т.Маршалла², оказавшей большое влияние на теоретическое обоснование и практическое воплощение социальной политики, гражданство включает ряд элементов: членство в национальном сообществе, что означает наделение легальным правом иметь паспорт, а также — в сущностном смысле — возможность полного участия в этом сообществе; владение вытекающими из этого правами и обязанностями; равенство статуса всех граждан. Это своего рода идеал, который может рассматриваться как показатель прогресса, особенно для маргинальных групп и новых социальных движений³.

Маршалл выводит за пределы юридического и политического статуса либеральное понимание гражданства, включая в его содержание и целую совокупность социальных прав: от «права на минимальный уровень экономического благосостояния и социального обеспечения до права пользования накопленным общественным богатством и права на достойное существование в соответствии с жизненными стандартами общества»⁴. В связи с этим он вводит понятие социального гражданства. Именно этот аспект гражданства представляет собой основной фокус социальной политики. Дж.Буссмейкер, анализируя с феминистской точки зрения понятие гражданства, также выявляет в нем именно соци-

¹ В 2001—2003 гг. собрано 28 интервью с одинокими матерями в г. Саратове и малых городах Саратовской области (Балашов и Красноармейск). В сборе интервью принимали участие С.Усманова, М.Лескина, Е.Цыглакова и авторы статьи.

² Marshall T. *Citizenship and Social Class*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1950.

³ Cohen J.L. *Changing Paradigms of Citizenship and the Exclusiveness of the Demos* // *Intern. Sociology*. L., 1999. Vol.14. №3. P.245-268

⁴ Цит. по: Буссмейкер Дж. Гражданство, типология государства всеобщего благоденствия и материальное обеспечение семьи: истоки и опыт осуществления политики равенства полов // *Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы*. М.: Идея-Пресс, 2000. С.254.

альную составляющую⁵. Распространяя концепцию гражданства на систему отношений между семьей, рынком и государством, Дж.Буссмейкер утверждает, что институт гражданства должен подразумевать права (и обязанности) как в экономической и политической сферах, так и в частной (семейной) сфере, в том числе — обязанности по уходу за членами семьи⁶. В связи с этим исследователи, придерживающиеся феминистской теоретической традиции, подчеркивают, что составляющей частью социального гражданства являются обслуживающий труд и забота о близких, по важности сопоставимые с ответственностью оплачиваемой работы⁷. Семьи одиноких матерей — это именно та часть населения, которая наиболее сильно испытывает на себе определения социального гражданства, принятые государственной политикой.

Определение понятий. В лексиконе российских государственных чиновников, социальных работников, журналистов, учителей прочно прижилось словосочетание «неполная семья», которое отражает представления о нуклеарной семейной единице (мать-отец-ребенок/дети) как о «полной», нормальной, завершенной композиции семейной структуры. «Неполнота» в данном контексте связана с отклонением от нормы, ущербностью и низким социальным статусом. Альтернативным понятием, не влекущим смысл стигматизации, выступает термин «монородительская семья». Чтобы отличить семьи одиноких отцов от семей одиноких матерей, иногда применяется выражение «материнская семья». При этом к юридическому смыслу понятия «одинокая мать» добавляются более широкие толкования монородительских семей или домохозяйств с одинокими родителями.

В узком, юридическом смысле термин «одинокая мать» относится к тем женщинам, которые не состоят в законном браке и имеют «внебрачных» детей. Статус одинокой матери определяет отсутствие у ребенка отца, по данным основаниям одинокая мать получает государственное пособие. Для взыскания алиментов с предполагаемого отца ребенка необходимо установить факт его отцовства в соответствии со ст. 48, ст. 49 Семейного кодекса РФ, что может быть сделано по совместному заявлению отца или матери, или по заявлению отца в органах ЗАГС или по решению суда. Считается, что алименты являются альтернативой государственному вспомоществованию, и в случае установления отцовства статус одинокой матери утрачивается. В более широком смысле речь идет о категории матерей, воспитывающих детей в семьях без отца, в том числе разведенных и вдовых. Таким образом, «под весьма распространенным термином «неполная семья» понимают семью родителя, который вследствие различных причин один воспитывает и несет ответственность за живущего на его иждивении ребенка/детей. В настоящее время спектр неполных семей пополняется, помимо названных выше, семьями фактически раздельно проживающих супругов за счет практики усыновления ребенка одинокой женщиной, а также установлением опеки или попечительства в случае сиротства»⁸.

Исследования и практика адресной социальной защиты наиболее уязвимых групп населения, на наш взгляд, должны учитывать не только юридический статус одиноких матерей, но и ресурсы и стратегии выживания вдов, замужних, разведенных или незарегистрированных в браке женщин. Поэтому мы придерживаемся той точки зрения, которая рассматривает одиноких, или соло-матерей, в широком контексте, относя к ним женщин, воспитывающих детей без супруга. При этом важно различать определения семьи и домохозяйства одинокого родителя.

⁵ Там же. С.253-275.

⁶ Там же. С.255.

⁷ Walby S. Is Citizenship Gendered? // Sociology. Oxford. 1994. Vol.28. №2. P.379-395.

⁸ Лунякова Л.Г. О современном уровне жизни семей одиноких матерей // Социологические исследования. 2001. №8. С.86-87.

Признаком домохозяйства чаще всего является наличие общего бюджета входящих в него индивида или группа людей⁹. Члены домохозяйства не обязательно связаны между собой родственными узами (хотя вероятнее всего это родственники). Центральное же отличие семьи заключается в том, что она чаще всего определяется только в терминах нуклеарной единицы, включающей родителей и детей независимо от жизненного уклада домохозяйства, в которое может входить семья. В узком смысле монородительская семья — это домохозяйство, включающее только одного взрослого, вместе с которым проживают дети. В более широком смысле — это домохозяйство, где проживают дети до 18 лет с одним одиноким родителем (отцом или матерью) — не обязательно биологическим — и, возможно, с кем-либо еще.

Различие между монородительским *домохозяйством* и монородительской *семьей* в большинстве исследований остается незамеченным. Между тем отсутствующая информация о других членах домохозяйства с одиноким родителем может быть решающей для понимания стратегий семейной организации, которые направлены на смягчение социальных и экономических трудностей. Так, именно в российском контексте единица домохозяйства может означать нечто совсем иное, отличное от семейной единицы, с присущими ей важными социальными и экономическими особенностями¹⁰. Продолжая проживать в одном доме с мужьями даже после развода, переезжая к своим родителям или родителям супруга после развода, разделяя домохозяйство с другими неродными взрослыми, — одинокие матери наращивают доступные социальные и экономические ресурсы, столь необходимые им самим и их детям. При этом композиция домохозяйства определяется не столько «коллективистскими традициями», как считают некоторые авторы¹¹, а скорее жизненными стратегиями людей, направленными на аккумуляцию экономических и других ресурсов, разделение ответственности за уход за детьми, чтобы тем самым высвободить время одинокого родителя для учебы или оплачиваемой работы¹². Кроме того, коммунальные жизненные устройства исторически стали нормой в России в виду дефицита жилья, остающегося очень высоким и по сей день¹³. В контексте резких экономических и социальных изменений организация жизненного уклада домохозяйства становится решающим фактором благополучия «материнских» семей.

Масштабы явления. В монородительской семье забота о детях и защита их интересов осуществляется либо одним из родителей, либо родственником или иным лицом, проживающим с этими детьми. Такие семьи вовсе не являются новым и уникальным феноменом для России. Число женщин, вынужденных растить детей в одиночку, увеличивается во всем мире. При этом демографические паттерны, связанные ростом семей одиноких матерей, сравнимы в России и других западных странах. Источником их возникновения считаются разводы, вдовство (смерть одного из родителей), внебрачная рождаемость. В настоящее время число монородительских семей пополняется еще и вследствие не оформленного юридически раздельного проживания супругов, усыновления ребенка одиноким родителем, опекой или попечительством в случае смерти родителей, а также в случаях, когда родители бросают детей, лишаются родительских прав.

⁹ Motivans A. and Klugman J. Single Parents and Child Welfare in the New Russia // Klugman J. and Motivans A. (eds) Single Parents and Child Welfare in the New Russia. UNICEF. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and New York: Palgrave, 2001. P.4.

¹⁰ Popkin B., Harris K.M., Lokshin M. Single Mothers in Russia: Household Strategies for Coping with Poverty. World Bank Working Papers Series. Poverty. Income Distribution, Safety Nets, Micro-credit. 2000. №2300. <http://econ.worldbank.org/docs/1054.pdf>.

¹¹ Motivans A. and Klugman J. Op.cit. P.8, 11.

¹² Popkin B., Harris K. M., Lokshin M. Op. cit.

¹³ Morton H. W. Housing Quality and Housing Classes in the Soviet Union // Horst Herlemann (ed.) Quality of Life in the Soviet Union. A Westview Special Study. Boulder, CO: Westview Press, 1987. P.95-115.

Статистика свидетельствует, что за 10 лет с 1989 по 1999 число монородительских семей в России выросло с 4,6 млн. до 5,3 млн.¹⁴, из них 98% составляют семьи, состоящие из матери и одного ребенка¹⁵. Формированию монородительских семей в значительной мере способствует также наблюдаемый в последние десятилетия непропорциональный рост смертности мужчин в трудоспособном возрасте от неестественных причин (отравления, производственные травмы, военные действия). В конце 1990-х гг. лишь 56% мужчин трудоспособного возраста доживали до 60 лет¹⁶.

Монородительские семьи представляют собой неоднородную группу населения, все они отличаются между собой по брачному статусу, композиции домохозяйств, по числу детей, образованию и статусу занятости родителей, типу населенного пункта и целому ряду других показателей. Семьи одиноких многодетных матерей находятся на грани выживания; это касается и семей, в которых растут дети с отклонениями в развитии, а тем более дети-инвалиды¹⁷.

Дискурсивное поле. Феномен одинокого родительства на Западе, получив широкое освещение как в академической литературе, так и популярных СМИ, вызвал большой политический интерес. В России эта проблема пока не привлекла столь широкого внимания. Однако в последние годы исследователи и политические деятели все чаще обращают внимание на специфику положения неполных (монородительских) семей в российском обществе¹⁸.

Дискурсивное поле исследований и политических дебатов о монородительских семьях располагается вдоль осей «благополучие» и «воспитание детей». Исследования экономического положения монородительских семей привлекают внимание к бедственному состоянию этой части населения. По свидетельству И.Калабихиной, преобладающее большинство неполных семей имеют характеристики «бедных» и «зависимых от пособий»¹⁹. «Бедными» считаются семьи, в которых доход на одного члена ниже стоимости потребительской корзины. «Зависимыми от пособий» являются семьи, где социальные пособия составляют более 25% от семейного бюджета. Для характеристики ухудшающегося положения женщин, в особенности одиноких матерей, в публикациях экономистов и социологов используется понятие «феминизация бедности»²⁰. Авторы прибегают и к более сильным определениям, чтобы показать сложные условия переходного периода: именно женщины, по образному выражению З.А.Хоткиной, становятся «заложницами системы социальной защиты, а нередко и ее жертвами»²¹. Если раньше одинокие матери и их дети были относительно защищены от бедности государственной денежной поддержкой, субсидированным уходом за детьми и полной гарантией занятости, то в результате экономических реформ женщины стали более уязвимыми. Экономический статус домохозяйств одиноких матерей оказался одним из наиболее низких по отношению к

¹⁴ Антонова О.И. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации. Материалы Российского статистического общества. М.: Наука, 1999. С.10.

¹⁵ Климантова Г.А. Семья в процессе трансформации российского общества // Общество и экономика. 1999. №10. С.45.

¹⁶ Вопросы статистики. 1997. №2.

¹⁷ См.: Киблицкая М.В. Исповеди одиноких матерей. М.: «Гелиос АРВ», 2000. С.52.

¹⁸ См.: Гурко Т.А. Программа социальной работы с неполными семьями. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1992; Лунякова Л.Г. Указ.соч.; Барашкова А.С. Генезис неполных семей Республики Саха (Якутия) // Социологические исследования. 1998. №12. С.72-78; Иванова Е.И., Михеева А.Р. Внебрачное материнство в России // Социологические исследования. №6, 1999. С.72-76.

¹⁹ Калабихина И. Теоретические направления гендерного анализа домохозяйства и некоторые вопросы социальной политики // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002. С.96-97.

²⁰ Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Социально-экономические факторы феминизации бедности // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002. С.36-63; Ustinova M. One-Parent Families in the USSR: Ethnoregional Specificity // Bjornberg U. (Ed.) One-parent Families. Amsterdam SISWO Publication. 1992. №364. P.7-11.

²¹ Хоткина З. А. Указ. соч. С.82.

другим домохозяйствам в России²². В 1996 г. почти 40% семей одиноких матерей находились ниже уровня бедности в России, и этот показатель продолжает расти²³.

Ряд публикаций вносит вклад в конструирование обобщенного образа материнских семей как дефектных, патологических, представляющих источник социальных проблем: «Среди проблем неполных семей особенно острой предстает проблема ее функционирования как института *воспитания и социализации детей*»; в неполной семье воспитание деформируется в связи с отсутствием одного родителя²⁴. Популярная переводная литература²⁵, а также отечественные ученые фиксируют снижение познавательных установок у детей после развода, низкую успеваемость и слабую выраженность стремления к достижениям. Авторы показывают, что дети в неполных семьях страдают от издержек воспитания и низкого уровня благосостояния, причем вина за низкий образовательный уровень или преступность возложена на одиноких родителей²⁶. Однако структура семьи одинокого родителя вовсе не является сама по себе фактором риска для социального развития ребенка. Исследования указывают на то, что этот тип семьи часто рассматривается как «груз» для бюджета социального обеспечения государств, ввиду чего одинокие матери испытывают стресс стигматизации²⁷.

Предметное поле исследований гражданских полномочий монородительских семей представлено трудами, выявляющими многообразие жизненных стратегий одиноких матерей. М.Е.Баскакова подробно проанализировала проблемы реализации прав женщин в сфере занятости²⁸. М.М.Малышева рассмотрела институт права на родительство, которое больше, чем какое-либо другое, обладает гендерной спецификой²⁹. М.И.Либоракина изучила нарушения трудовых и социальных прав женщин в переходный период³⁰. Л.Г.Луныкова исследовала практику несвоевременных выплат пособий, бездействия и даже самоуправства местных структур относительно социальных прав одиноких матерей³¹. М.Киблицкая на примере четырех российских городов показала, как ущемляются права одиноких матерей в экономической и социальной сферах³².

Российская социологическая литература рассматривает социальный смысл материнства, многообразие причин появления монородительских семей и их вариативные жизненные стратегии. Для исследователей ясно, что «мотивация решения женщин воспитывать ребенка в «неполной» семье может отличаться на различных стадиях жизненного цикла, а благополучие детей также определяться множеством факторов»³³. Однако демографические данные о быстрых темпах роста в России популяции одиноких родителей нередко подаются в драматизированной тональности, что усиливает социальную озабоченность. Важно отметить, что она проявляется не только по поводу экономических труд-

²² Popkin B., Harris K. M., Lokshin M. Op.cit.

²³ Луныкова Л.Г. Указ. соч. С.95.

²⁴ Дементьева И.Ф. Указ. соч. С.108, 109.

²⁵ Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000.

²⁶ Филиппова Г. Ребенок для родителей и родители для ребенка: Оба родителя нужны ребенку в любом возрасте // Семья и школа. 2001. №7/8. С.7-9; Елизаров А.Н. Ценностные ориентации неблагополучных семей // Социологические исследования. 1995. №7. С.93-99.

²⁷ Bjornberg U. Introduction // Bjornberg U. (Ed.) One-parent Families. P.1.

²⁸ Баскакова М.Е. Проблемы и права работников с семейными обязанностями // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. Т.1. М.: МЦГИ, 1998.

²⁹ Малышева М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001. С.325-326.

³⁰ Либоракина М.И. Женщины и приватизация. М.: Фонд «Институт экономики города», 1999.

³¹ Луныкова Л. Г. "Материнские семьи": соблюдение прав и гарантий (на примере г. Рыбинска) // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса). М.: МЦГИ, Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. Т.1., 1998. С.259-284.

³² Киблицкая М. Исповеди одиноких матерей. М.: Эслан, 1999.

³³ Гурко Т.А. Вариативность представление в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. №11. С.96.

ностей семей, возглавляемых женщинами, но и ввиду идеологических сожалений о разрушении традиционной нуклеарной семьи как социального института³⁴.

Академические тексты о «неполных семьях», подчеркивая «асоциальные» характеристики воспитания, в значительной степени перегружены тенденциозными рассуждениями о многочисленных рисках, которые поджидают детей и все общество из-за увеличения числа одиноких родителей. Такие тексты стигматизируют одиноких родителей, представляя их виновниками социальных проблем, в то время как подлинные истоки одинокого родительства и вопросы о взаимовлиянии этого феномена и государственной политики остаются вне поля зрения отечественных исследователей.

Монородительские семьи как объект и продукт государственной политики.

Сравнительный анализ убеждает, что семейная политика разных стран весьма разнообразна: одни, как, например, Франция, законодательно формулируют семейную политику, другие (Германия, Швеция), не провозглашая официально, активно ее проводят, третьи (Финляндия, Дания) поддерживают все типы семей. Для понимания положения одиноких матерей полезна концептуализация государственной политики в терминах слабой и сильной моделей кормильца³⁵. Как полагают Дж.Льюис и И.Остнер, исторически сложившиеся представления о семье, кормильцем которой является мужчина, в разных странах трансформировались различным образом и в различной степени. О приверженности традиционным представлениям о семье в той или иной стране можно судить по следующим показателям: во-первых, отношение к женщине в системах налогообложения и социального обеспечения (в частности, кто является объектом налогообложения и социального обеспечения — индивид или семья); во-вторых, уровень обеспеченности социальными благами, и особенно — услугами детских дошкольных учреждений; в-третьих, особенности занятости замужних женщин³⁶.

Перечисленные показатели касаются специфических моделей семьи с мужчиной-кормильцем, характерных для различных стран. Значительно различается в этих странах и положение одиноких матерей, что отражает вариации в уровне благосостояния³⁷. Так, в странах с исторически укорененной «сильной» моделью семьи с мужчиной-кормильцем, например, Великобритании, Ирландии, преобладает неполная занятость женщин, фиксируется неразвитость системы государственных детских дошкольных учреждений и правовой защиты женщин-матерей. «Переходным» является такой вариант государства всеобщего благосостояния, где ключевым гендерным контрактом является семья с мужчиной-кормильцем. В таком государстве, примером которого выступает Франция, больше женщин заняты в режиме полного рабочего дня, имеется больший набор социальных гарантий для женщин³⁸. Наконец, к третьему типу государств (классифицируемых с позиций гендерного подхода) относятся страны, где распространена «слабая» модель семьи с мужчиной-кормильцем. Для этих стран характерны высокая доля женщин, занятых в режиме полного рабочего времени, индивидуальная система налогообложения и социального обеспечения, развитая сеть государственных детских дошкольных учреждений и возможность беспрепятственного получения родительского отпуска. В таких обществах

³⁴ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996; См. об этом: Ярская-Смирнова Е.Р. Проблематизация семьи в социологии // Рубеж. 1998. №12. С.71-87 Антонов А., Медков В. Социология семьи. М., 1996.

³⁵ См.: Мезенцева Е.Б. Социальная справедливость, государство благосостояния и гендер // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002. С.199-200.

³⁶ Lewis J. and Ostner I. Gender and the Evolution of European Social Policies, ZeS-Arbeitspapier №4/94. Centre for Social Policy Research, University of Bremen, 1994. Цит. по: Буссмейкер Дж. Гражданство, типология государства всеобщего благоденствия и материальное обеспечение семьи: истоки и опыт осуществления политики равенства полов. С.263.

³⁷ Hobson B. Solo Mothers, Social Policy Regimes and the Logics of Gender // D.Sainsbury (ed.) Gendering Welfare States. London: Sage, 1994. P.175.

³⁸ Буссмейкер Дж. Указ. соч.

преобладает модель семьи с двумя кормильцами³⁹, а положение семей с детьми не зависит от количества родителей. Примером такого государства является Швеция — мировой лидер по благосостоянию семей, в частности «материнских»⁴⁰.

Рассмотрим ключевое измерение «модели кормильца» — доступность услуг по уходу за детьми и возможности занятости для женщин — в российских условиях⁴¹. Именно на создание таких возможностей направлялись усилия государства на заре социалистического строительства. Правовое регулирование брачно-семейных отношений было подчинено интересам государства и зачастую осуществлялось вопреки реальным потребностям семьи и ее членов. Подобная политика послужила одной из основных причин так называемой алиментной эпидемии, связанной, с одной стороны, с колоссальным ростом разводов, с другой, — с возрастанием популярности кратковременных сожительства и, как следствие, увеличением доли внебрачной рождаемости⁴². Под воздействием новых норм морали и права у определенной части населения, в основном молодежи, сформировалось резко отрицательное отношение к браку, выразившееся в росте добровольного безбрачия, ориентации в фактических браках на кратковременное сожительство⁴³. Это привело к умножению числа женщин, воспитывающих своих детей без супруга или партнера. На закате сталинистской индустриализации ориентиры семейной политики подверглись некоторой трансформации, наряду с усилением патриархатного контроля поощрялось равное участие мужчин и женщин в производстве, расширились возможности общественного ухода за детьми, что способствовало распространению слабой модели кормильца.

Рост неполных семей особенно проявился в результате репрессий и войн, в особенности, Второй мировой. На увеличение числа монородительских семей советское правительство отреагировало предоставлением специальных пособий для одиноких матерей; им также были предоставлены некоторые преимущества на рабочем месте. Признание особо трудных условий существования семей одиноких матерей впервые зафиксировано в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. о прямой материальной помощи многодетным и одиноким матерям. И хотя женщинам было сложно доказывать отцовство и, следовательно, заставить отцов поддерживать своих детей, монородительские домохозяйства были под защитой коллективистской системы социального обеспечения, характерной для плановой экономики: основные товары и услуги были дешевыми, а возможности занятости — относительно широкими. Поскольку в поздний советский период проблема бедности приобрела официальное признание, государственная поддержка семей обуславливалась преимущественно тем, что семья содержала детей и что домохозяйство было бедным, и в меньшей степени — отсутствием второго родителя⁴⁴. И все же поддержка монородительского домохозяйства как такового по-прежнему была недостаточной.

В семейном законодательстве 1965 г. процедура разводов была упрощена. Матери разрешили вписывать любое мужское имя в метрику новорожденного, но законом не признавалось равенство незарегистрированных и зарегистрированных браков⁴⁵. Для российской семьи 1960—1980-х гг. уже были характерны высокий уровень разводов, внебрачная

³⁹ Lewis J. Gender and the Development of Welfare Regimes // Journal of European Social Policy. 1992. Vol.2. №3; Lewis J. and Ostner I. Gender and the Evolution of European Social Policies; Цит. по: Буссмейкер Дж. Гражданство, типология государства всеобщего благоденствия и материальное обеспечение семьи: истоки и опыт осуществления политики равенства полов. С.264-265.

⁴⁰ Лунякова Л. Г. "Материнские семьи": соблюдение прав и гарантий (на примере г. Рыбинска) // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса). С.259-284.

⁴¹ См.: Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Цыглакова Е.А. Одинокие матери: клиенты или граждане // Гендерная экспертиза социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2003. С.184-210

⁴² Семья — недоступная роскошь // Родина. 2000. №3. С.55.

⁴³ Мацковский М.С. Социология семьи. М.: Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1989. С.43.

⁴⁴ Klugman J. and McAuley A. Social Policy for Single-Parent Families: Russia in Transition. P.148

⁴⁵ Королев Ю.А. Брак и развод: Современные тенденции. М.: Просвещение, 1978. С.28

рождаемость и ухудшение условий социализации детей. В соответствии с данными переписи 1970 г., Россия была страной с наиболее высоким числом монородительских семей. Сильная модель кормильца была давно утрачена, и государство стремилось создать условия для распространения слабой модели семьи, когда ее благополучие не зависит от числа супругов, а женщина может вести автономное домохозяйство. К середине 80-х гг. в СССР выплачивалось 14 видов семейных пособий. На выплаты 5 из них (по беременности и родам, на рождение ребенка, по уходу за ребенком до достижения им одного года, многодетным и одиноким матерям) выделялось 80% средств на семейные пособия⁴⁶.

Факторы послевоенного резкого увеличения количества монородительских семей в России и на Западе во многом схожи в том, что касается рынка труда, социальных норм и социальной политики. Однако уникальные характеристики Советской России сыграли специфическую роль в развитии семейной структуры, в тенденциях ее формирования и распада. В целом ряде аспектов советский подход поощрял экономическое равенство и независимость женщин теми способами, которые включаются в так называемую модель слабого кормильца, иными словами, где все взрослые, кто не учится на дневном отделении, должны быть заняты на оплачиваемой работе⁴⁷. Советскую модель слабого кормильца следует дополнить такой аналитической метафорой, как «контракт работающей матери». Этот гендерный контракт подразумевает обязательность «общественно полезного» труда советских женщин и выполнения ими миссии матери «как женского природного предназначения» и гражданского долга⁴⁸.

Женская занятость (как доля когорты в трудоспособном возрасте) составляла 92% в 1970—80-е гг., причем у женщин по сравнению с мужчинами уровень образования был значительно выше, а жалование почти на треть меньше⁴⁹. Высоким показателям женской занятости способствовало расширение инфраструктуры, в частности, заводских и ведомственных детских учреждений и поликлиник, относительно щедрого вспомоществования для декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком. Важной привилегией одиноких матерей было запрещение трудовым законодательством увольнять их с производства до достижения ребенком 14 лет. Кроме того, для одиноких матерей существовали квоты на рабочие места и при распределении жилой площади. С учетом материального положения профсоюзные организации в советское время нередко предлагали льготные путевки в пионерлагеря и санатории.

Материальные потребности семей с низким доходом начали признаваться государством с 1974 г., когда были введены целевые денежные выплаты для малообеспеченных семей. В 1980-х гг. озабоченность государства положением детей в монородительских семьях проявилась в принятии скромных мер по их поддержке, включая небольшие денежные выплаты и предоставление одиноким матерям места в детском саду вне очереди. Материальная помощь, которую получали одинокие матери, слабо способствовала улучшению качества их жизни.

Важная особенность советской социальной политики состояла в ее прочной экономической связи с так называемыми градообразующими предприятиями крупных промышленных центров. С конца 1980-х гг. многие из этих предприятий подвергались реструктуризации и банкротству, что лишало людей работы и средств к существованию. В ходе муниципализации социальных сервисов, принадлежавших ранее «градообразующим» производствам, эти объекты переходили в ведение местной администрации. Экономический кризис и дефицит ресурсов во многих случаях привели к обеднению социальной инфраструктуры, перепрофилированию и сокращению числа оказываемых услуг. Снижение роли государства и предприятий в социальной защите и предоставлении услуг означало, что расходы и ответственность все более перекладывались на домохозяйства и сети

⁴⁶ О положении семей в СССР 1984—1986. М.: Госкомстат России, 1988. С.17.

⁴⁷ Lewis J. Gender and the Development of Welfare Regimes.

⁴⁸ Здравомыслова Е., Темкина А. Гендерная система // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация — XXI век, 2002.

⁴⁹ Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998. С.82-83.

родственной поддержки. Все это сыграло решающую роль в снижении уровня жизни большинства монородительских семей.

В начале 1990 гг. на фоне недостаточного финансирования государственной социальной политики существенно падает уровень реальных зарплат и, соответственно, способность домохозяйств и индивидов самостоятельно покрыть свои расходы⁵⁰. Экономическая реформа повлияла на снижение государственных трансфертов, уменьшение числа субсидируемых государством детских дошкольных учреждений и ухудшила возможности женщин на рынке труда. Ослабление и без того незначительной государственной поддержки привело к эрозии семейной стабильности и оставила одиноких матерей лицом к лицу с увеличивающимся риском бедности, повысило роль занятости и заработка женщин как фактора благосостояния детей в монородительских домохозяйствах.

В переходный период развитие рынка труда было неблагоприятным для женщин, хотя некоторые россиянки и получили новые возможности⁵¹. Уровень занятости упал на 12% среди женщин в возрасте 15-59 лет и на 17% среди женщин в возрасте 15-29 лет. Приватизация оказала неравномерное влияние на женщин и мужчин, степень перемещения женщин из бюджетного сектора в частный оказалась намного ниже, чем у мужчин⁵². Женская занятость по-прежнему сконцентрирована в общественном секторе, на низкооплачиваемых должностях государственных учреждений⁵³. Гендерная сегрегация рынка труда и рабочей силы объясняет значимые различия в зарплате женщин по сравнению с мужчинами⁵⁴.

На протяжении переходного периода снизилось предоставление услуг по уходу за детьми: дошкольные учреждения охватывают теперь лишь 1 из 5 детей в возрасте до трех лет и чуть более 3 из 5 в возрастной группе от 3 до 6 лет. Сократилось обслуживание детей школьного возраста («продленный день» в школе, летние пионерские лагеря и внеучебная деятельность). Это связано как с уменьшением числа детских учреждений (с 1989 по 1997 гг. закрыты 27 тыс. детских садов⁵⁵), так и с падением спроса в силу высоких цен, что создало значительные трудности для родителей с низким доходом. Тенденции переходного периода упрочили модель сильного кормильца и представление, что мужчины являются основными добытчиками для семьи, а женщины — зависимыми женами⁵⁶.

Анализ потребностей одиноких матерей и предоставленных им социальных прав гражданства обнажает противоречивые тенденции переходного периода в формировании модели кормильца. Существуют три главных фактора, которые влияют на реализацию полноценного социального гражданства одиноких матерей. К этим факторам относятся: во-первых, низкая способность одиноких женщин с детьми зарабатывать; во-вторых, неадекватный уровень поддержки со стороны как зарегистрированных, так и незарегистрированных отцов; и в-третьих, низкий уровень государственной поддержки и выплат (трансфертов) для семей одиноких матерей⁵⁷.

Снижение зарплат и растущая безработица в сочетании с ограниченной и снижающейся общественной поддержкой детей, на первый взгляд, должны были привести к усилению зависимости женщин от мужчин и задержать рост числа материнских семей. Но

⁵⁰ Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Социально-экономические факторы феминизации бедности в России // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002. С.36-45.

⁵¹ Women in Transition. Regional Monitoring Report. №6. Florence: UNICEF International Child Development Centre. UNICEF, 1999.

⁵² Либоракина М. Женщины и приватизация: российский опыт // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. редактор и составитель Е.Б.Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН-МЦГИ-«Русская панорама», 2002. С.250-258.

⁵³ Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998. С.91-93.

⁵⁴ Мезенцева Е.Б. Профессиональная сегрегация по признаку пола // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001; Ржаницына Л.С. Макроэкономические проблемы занятости // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002. С.26-29.

⁵⁵ Motivans A. and Klugman J. Op.cit. P.16

⁵⁶ Ibid. P.15

⁵⁷ Popkin B., Harris K. M., Lokshin M. Op.cit.

все большее число женщин идут на развод и внебрачное рождение детей. Именно это обстоятельство удивляет некоторых зарубежных авторов⁵⁸. С нашей точки зрения, экономическая зависимость, скорее, привязывает женщин к их родителям и другим родственникам, чем к супругу, особенно в случае рождения ребенка вне брака, смерти или ухода супруга/партнера из семьи. В силу снижения государственной поддержки одинокие матери, сталкиваясь с более высоким риском бедности, все с большей вероятностью предпочитают объединяться с другими взрослыми или родственниками. Сегодня налицо факт роста не только монородительских, но и расширенных семей, поскольку многие одинокие родители вынуждены переселяться к своим родителям или другим родственникам, в основном из-за экономических ограничений.

Помощь родственников важна для семей одиноких матерей, и эта помощь, включая разделение домашних обязанностей и уход за ребенком, более эффективна и продуктивна, когда одинокий родитель живет в расширенной семье. Исследования зафиксировали, что семьи, возглавляемые матерями, живущими отдельно от родственников, характеризуются более высоким уровнем бедности, по сравнению с одинокими матерями, проживающими в расширенных домохозяйствах⁵⁹. Совместное проживание одинокой матери с другими родственниками имеет целый ряд преимуществ, однако, ведет к потере автономности, приватности.

В ряде случаев женщины берут на себя роль единственного кормильца в семье — как в отсутствие супруга, так и в ситуации, когда он теряет работу⁶⁰. Важное наблюдение сделано в российско-британском проекте «Бедность и социальная эксклюзия в России»: домохозяйствам, возглавляемым женщиной (и особенно матерью-одиночкой, вынужденной быть единственным кормильцем в семье), реже помогали родственники и друзья, чем нуклеарным семьям с детьми, где мужчина испытывал временные трудности с работой, а семью кормила женщина⁶¹. И в этом случае зависимость женщины от мужчины не имеет экономического смысла.

Система социальной защиты, стремясь снизить негативное влияние рыночных преобразований на уязвимые группы населения, стала оперативно реагировать на обостряющиеся социально-экономические проблемы. Для современной социальной политики российского правительства характерны изменение структуры детских пособий, повышение размеров выплат, введение адресности и специальной помощи детям одиноких родителей. Поскольку количество населения, нуждающегося в социальной защите, постоянно растет, то, при сохранении основных социальных обязательств и принципов социальной поддержки советского периода, на федеральном, региональном и местном уровнях дополнительно появились новые виды социальных пособий и льгот⁶². Результатом такого развития системы социальной защиты стало чрезвычайное многообразие различных форм и видов социальной поддержки.

Федеральный закон №81 от 19 мая 1995 г. «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» предусматривает: пособие по беременности и родам; единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинское учреждение в ранние сроки беременности; единовременное пособие при рождении ребенка; ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком по достижении им возраста полутора лет; ежемесячное пособие на ребенка. Размер последнего увеличивается на 100% на детей одиноких матерей и с 01.01.2001 г. составляет 140 рублей. Вместе с тем нынешняя ситуация дале-

⁵⁸ Motivans A. and Klugman J. Op.cit. P.18.

⁵⁹ Иванова Е.И., Михеева А.Р. Внебрачное материнство в России // Социологические исследования. №6, 1999. С.72-76.

⁶⁰ Тартаковская И.Н. Гендерные аспекты стратегии безработных // Социологические исследования. №11, 2000. С.73-82; Козина И.М. Что определяет статус «кормильца» семьи? // Социологические исследования. 2000. №11. С.83-89.

⁶¹ Давыдова Н.М. Глава семьи: распределение ролей и способ выживания // Общественные науки и современность. 2000. №4. С.55-56.

⁶² Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Социально-экономические факторы феминизации бедности в России // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. С.46.

ка от оптимальной. Размеры адресной социальной помощи и охват ею населения не адекватны масштабам бедности в России⁶³. Государство не выполняет социальные обязательства перед населением. «Наиболее развитая ранее часть социальной помощи — пособие на детей — сегодня по своему уровню составляет 5% от прожиточного минимума и отличается систематическими неплатежами»⁶⁴. Этим усиливается наметившийся в поздний советский период разрыв между декларируемой и реальной ситуацией в сфере социальных гарантий одиноким матерям.

Конструирование статуса клиента в системе адресной помощи одиноким матерям. Каждый гражданин, реализуя условия социального гражданства как особого контракта между государством и индивидом, имеет право на целый ряд гарантий своего статуса, в том числе, на льготы, пособия, пенсии, доступные и качественные услуги. Тем самым в разные периоды жизни и в особых обстоятельствах индивид становится клиентом, или пользователем, системы здравоохранения, социальной защиты, занятости, образования. Вместе с тем, как упоминалось выше, статус гражданства не сводим лишь к набору социальных прав, а гражданин не ограничен в своей жизни лишь ролью клиента.

С нашей точки зрения, злоупотребление отношениями клиентства как со стороны социальных служб и занятых там работников, так и со стороны потребителей социальных услуг сужает жизненные шансы субъектов и приводит их к порочному кругу зависимости от системы «собеса». Эта зависимость, как мы покажем, формируется в условиях слабости гражданского общества и недостаточно эффективной работы специалистов, учреждений, всей системы социальной защиты. В результате этого дефицит ресурсов для противостояния жизненным трудностям не восполняется, и потребитель услуг превращается в «клиента» со стигмой «проблемности», беспомощности и бесполезности. О том, что стигма не только воспроизводится во внешнем контексте, но и действует на внутренний мир субъекта, хорошо известно еще из работ И. Гофмана⁶⁵. Он, применяя драматургический подход, исследовал отношения между сотрудниками учреждений и их клиентами и показал, что наблюдаемая конформность клиентов является ничем иным, как приемом, аналогичным сценической игре, поскольку система требует от бедных заранее оговоренных доказательств их бедности.

В России, как и в ряде других стран, социально уязвимые группы населения представляют собой особую символическую категорию — клиентов системы социальной защиты. Очевидно, что человек становится клиентом не сама по себе, а только посредством классификационных процедур, совершаемых в социальной службе, причем *«не в тот момент, когда он зашел в дверь, а в тот момент, когда сверив все его данные, убеждаешься, что он попадает под критерии клиента; тогда он становится клиентом»* (Специалист социальной работы, г.Саратов). Отношения людей с социальными службами, центрами занятости, биржей труда строятся под влиянием идеологии конкретного государства, оформляющей специфические определения и самоопределения людей как клиентов с вытекающими отсюда последствиями как для индивидуальных биографий, так и в структурном масштабе.

Как показала М.Киблицкая, многие одинокие матери на рынке труда сталкиваются с дискриминацией и нарушением прав, унижением и откровенной грубостью при общении с социальными органами. Они встречаются с неприкрытой неприязнью или полным безразличием официальных бюрократизированных органов, которые в какой-то мере могут повлиять на их судьбу на уровне предприятия или организации, где они работают⁶⁶. Л.Г.Луныкова в г.Рыбинске выявила ряд случаев подобного обращения. По ее свидетельству, администрация города не ратует за семьи, стоящие на учете в Управлении соци-

⁶³ Там же. С.50.

⁶⁴ Римашевская Н.М. Гендерные аспекты социально-экономического развития России // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. С. 15.

⁶⁵ Goffman E. Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity. London, New York, etc. Touchstone. 1986 [1963].

⁶⁶ Киблицкая М. Исповеди одиноких матерей.

ального обеспечения, а многие «материнские» семьи причисляет к маргинальным. Бытует мнение, что люди не хотят работать и специально не регистрируют браки, чтобы, рождая детей, получать стабильные ежемесячные выплаты, которые иногда превышают размер реальной заработной платы⁶⁷. С нашей точки зрения, подобное мнение отражает установку на стигматизацию бедных и отверженных. Вместо того чтобы повышать эффективность социального обслуживания и создавать комплексные программы реабилитации лиц, испытывающих зависимость от алкоголя и других психоактивных веществ, создавать условия для их социальной адаптации, государственные служащие привычно обвиняют женщин и их семьи.

В современной России женщины являются основными потребителями социальных услуг; многие учреждения социальной защиты именуется «управлениями по делам семьи, женщин и детей». Среди клиентов центров социального обслуживания преобладают пожилые женщины, сюда же приходят за пособиями и натуральной помощью матери-одиночки и многодетные матери; женщины вместе со своими детьми-инвалидами посещают реабилитационные центры и их программы; в кризисных центрах и отделениях экстренной помощи — вновь женщины. Именно они оказались сегодня в эпицентре реформаторской деятельности отечественных политиков и экономистов. Речь идет о трансформации системы социального обеспечения, связанной с переходом на адресную помощь.

До недавнего времени распределение пособий строилось почти исключительно на характеристиках реципиентов. Как указывают С.Н.Смирнов и И.В.Колосницын, именно принадлежность к той или иной категории населения позволяла гражданам получать социальные пособия (в частности, одинокие матери, одиноко проживающие пенсионеры и другие)⁶⁸. Неэффективность такой системы в современной России зависит, в частности, от следующих обстоятельств: в числе получающих социальную помощь доля лиц, не относящихся к числу бедных по критерию текущих доходов, выше, чем доля получателей среди бедных; размеры выплачиваемых пособий бедным и «небедным» практически не различаются; доля социальных пособий относительно общего объема расходов бедных семей ничтожна и не превышает 2%; почти 90% всех бедных семей не получает никакой социальной помощи. Поскольку существовавшая система выплат по ряду параметров оказалась малоэффективной, акцент в решении проблемы социальной помощи был перенесен на обеспечение адресности. Адресность включает, прежде всего, отмену категориальных льгот и субсидий, перевод их в форму денежных выплат, доплат к жалованью. В качестве критерия адресности предлагается использовать социальный состав домохозяйства, его материальные и денежные активы, доходность и уровень душевых доходов потенциальных реципиентов социального пособия⁶⁹.

На практике сегодня бедные вновь классифицируются на достойных и недостойных, но уже не буквой закона, а посредством фейс-контроля. Система адресности придает большее, чем это было раньше, значение роли социальных работников, проверяющих степень «нуждаемости» и достоверность заявлений клиентов. Процедуры и технологии деятельности по определению «нуждаемости» недостаточно прописаны, также как и юридический статус таких процедур. Весь этот процесс без всякого обсуждения передан на откуп исполнителям, которые руководствуются бытовыми определениями, стереотипами и корпоративными неформальными нормами. Следует помнить и о присущих советским организациям неформальных практиках, когда доступ к ресурсам определяют скорее личные знакомства, чем формальные регуляции. Наше исследование выявило подобные практики в сфере социальной защиты, когда личные знакомства играют решаю-

⁶⁷ Лунякова Л. Г. "Материнские семьи": соблюдение прав и гарантий (на примере г. Рыбинска) // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса). Т. I. С.259-284.

⁶⁸ Смирнов С.Н., Колосницын И.В. Социальные обязательства государства: сокращение или реструктуризация? // Мир России. 2000. №1.

⁶⁹ Смирнов С.Н., Колосницын И.В. Указ. соч.

щую роль в распределении довольно скромных ресурсов натуральной или денежной помощи.

Система адресной помощи, хотя и призвана повысить эффективность социального обеспечения, пока что негативно сказывается на наиболее незащищенных слоях населения, в первую очередь, женщинах. Женщинам с маленькими детьми приходится собирать массу справок, чтобы реализовать свое социальное гражданство — доказать гарантированное государством право на получение пособия, мизерная сумма которого при регулярных задержках выплат совершенно не меняет их положения.

Негативные аспекты взаимодействия с системой социального обеспечения и ее представителями связаны с неэффективной бюрократией, которая регламентирует оказание социальных услуг. Их получение для женщин, у которых мы брали интервью в малом городе Саратовской области, ассоциируется с борьбой, преодолением, даже в тех случаях, когда система помощи, казалось бы, должна работать гладко, по определенным правилам. Для многих взаимодействие с социальными службами означает получение гуманитарной помощи — продуктов, одежды. В значительной степени помощь эта такого рода, что ее нужно брать, не ропща, — это старые вещи, не всегда подходящие по размеру. Впрочем, для многих клиентов социальных служб гуманитарная помощь оказывается спасительной в условиях, когда не достает финансовых ресурсов.

Получение натуральной помощи вещами и продуктами в социальных сервисах в ряде случаев имеет вид борьбы за доступ к ограниченным ресурсам. В том случае, когда подобная помощь не приходит, не оправдавшиеся надежды расценивают как крушение планов, особенно если вину возлагают на работников социальных служб, не предоставивших необходимую информацию. Подобная ситуация позволяет обнажить новые ракурсы проблемы отношений клиентов и социальных работников, среди которых преобладают женщины⁷⁰. Следует иметь в виду, что служащие социальных сервисов подчас находятся в тех же условиях нужды, низких доходов, что и сами клиенты. Заработная плата работников социальной сферы составляет сегодня менее 60% прожиточного минимума и «фактически превратилась в социальное пособие, что способствовало появлению наряду с традиционными «бедными» (инвалиды, пенсионеры, многодетные и неполные семьи) еще одной категории бедных (характерной в основном для России) — «работающие бедные» т.е. работники, у которых заработная плата не обеспечивает величины прожиточного минимума»⁷¹. Маргинализация работников социальных служб, безусловно, отражается на эффективности их работы, и определение «нуждаемости» клиентов может происходить «на глазок», на взгляд сотрудника службы, подчас находящегося в весьма бедственных жизненных обстоятельствах.

Как указано в проекте концепции адресной помощи населению Саратовской области, «нуждаемость семьи и одиноко проживающего гражданина в получении адресной социальной помощи определяется органами социальной защиты населения по месту жительства или месту пребывания в соответствии с Федеральным законом “О государственной социальной помощи”»⁷². Органы социальной защиты вправе выборочно проверять правильность предоставленной заявителями информации любыми способами, не противоречащими законодательству Российской Федерации, и лишать претендентов права на статус при обнаружении обмана⁷³. В связи с этим работа по принципам «адресности» придала амбивалентность профессиональной идентичности социальных работников: «А вот меня задает эта адресная помощь» (Специалист социальной работы, г.Красноармейск). С одной стороны, социальные работники были согласны с введением адресной помощи, поскольку получили больше полномочий контролирующего свойства.

⁷⁰ См. об этом: Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. «Не мужское это дело...» Гендерный анализ занятости в социальной сфере. 2002. №6. С.74-82.

⁷¹ Чекорина Н. Женщины и социальная политика в условиях рыночного реформирования // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. С.172.

⁷² Концепция развития системы адресной социальной помощи населению Саратовской области. Саратов, 2002. Проект.

⁷³ Смирнов С. Н., Колосницын И. В. Указ.соч.

Вместе с тем принимать решение о том, кто достоин, а кто не достоин пособия, оказалось не так просто.

Отметим, что такой индикатор «нуждаемости», как попадание женщины в категорию «матери-одиночки», себя не оправдывает, поскольку к установлению юридического статуса теперь добавляется проверка фактического наличия у женщины партнера. Женщины, которых подвергают проверкам, постоянно вынуждены доказывать, что они «одинокие». Напомним, что в соответствии с законодательством вдовы и разведенные женщины не подходят под категорию матерей-одиночек, поэтому им нужно представлять доказательства своей малообеспеченности, или «нуждаемости»⁷⁴ — этот термин является новым эвфемизмом, введенным в дополнение к понятию «малообеспеченности» для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что не каждый достоин получать помощь от государства.

Для некоторых соло-матерей предоставление дешевой гуманитарной помощи представляется еще одним инструментом депривации и социальной несправедливости, выражающейся в неравенстве доступа к каким-либо ресурсам клиентов разного статуса — многодетных и одиноких матерей. Неравенство статусов клиентов, небесспорные и непрозрачные критерии разделения на тех, кто более или менее достоин помощи, порождает внутренние конфликты и чувство отверженности у таких людей.

В нашем исследовании подтвердились выводы М.Киблицкой о низкой информированности одиноких матерей. Одно из доминирующих чувств наших информантов — неосведомленность. Это касается широкого круга вопросов — от незнания своих прав до отсутствия знаний об услугах Центра помощи, каких-то отдельных бенефиций и ресурсов. Большую роль в оформлении таких отношений играет унаследованная от советского союза неопределенность в отношениях между государством и индивидом. Эта неопределенность заключается в неуверенности людей в том, что их права можно защищать и отстаивать рациональными правовыми способами.

Подобная ситуация в наибольшей степени характерна для малых городов и сельской местности, где формальные ресурсы поддержки весьма ограничены, а неформальные зачастую утрачены или слабо активизированы. И хотя доля домохозяйств одиноких родителей в сельской местности ниже, чем в городской, им присущи самые высокие уровни бедности. В сельской местности одинокие родители, большинство из которых составляют материнские семьи, могут не иметь такого же доступа к расширенной семье и другим формам совместного проживания, какими располагают горожане. Со всей очевидностью встает вопрос активизации и формирования естественных и искусственных сетей поддержки, тем самым становится актуальным развитие таких форм социальной работы, как работа с сообществом и экосистемная модель.

У большинства наших собеседниц отсутствуют алгоритмы взаимодействия с государственными и негосударственными институтами, которые могут обеспечить устойчивое разрешение возникших проблем. Речь идет не только о низкой осведомленности женщин. Сама доступность таких ресурсов, как разнообразные государственные сервисы и негосударственные фонды, женские организации, действующие в целом ряде крупных городов, — в провинции оказывается под большим вопросом. Некоторые наши собеседницы из малых городов вообще не позиционируют себя в поле социальной поддержки, однако для них роль клиента неприемлема не потому, что они автономны от системы социальной защиты, а потому, что эта система практически не распространяет на них свое воздействие.

Способность женщин быть независимыми экономическими субъектами отражает степень реализации их социального гражданства. Показательным является то, что среди одиноких матерей работающих значительно больше, чем среди замужних женщин с детьми. По данным на конец 1996 г. в состав рабочей силы входил 81% одиноких матерей, живущих с детьми, по сравнению с 71% матерей в нуклеарных семьях⁷⁵. Тем не менее, помощь в поисках работы держится только на личных связях. В иных случаях фор-

⁷⁴ Концепция развития системы адресной социальной помощи населению Саратовской области.

⁷⁵ Popkin B., Harris K. M., Lokshin M. Op.cit.

мальный порядок не всегда соблюдается: женщинам отказывают в работе только потому, что они имеют детей. Многие из этих женщин сталкиваются с дискриминацией и нарушением прав на рынке труда, неприкрытой неприязнью или полным безразличием тех официальных органов, которые в какой-то мере могут повлиять на их судьбу. Именно в таких ситуациях могла бы проявить себя проактивная стратегия учреждений социальной защиты, специалистов социальной работы, которые призваны создавать условия для полной реализации социальных прав одиноких родителей.

По данным опросов, одинокие родители, проживающие в больших городах России, с более высокой вероятностью, нежели на селе, проживают совместно с другими родственниками. Крупные городские зоны (Москва, Санкт-Петербург) испытывают дефицит жилья, что затрудняет ситуацию одинокого родителя, желающего жить самостоятельно. Кроме того, здесь жилье дороже и выше показатели занятости женщин в силу больших возможностей трудоустройства, что повышает необходимость совместного проживания с другими членами домохозяйства, чтобы иметь возможность работать⁷⁶.

Те же, кто находит возможности зарабатывать и содержать ребенка в детском дошкольном учреждении, выражают тревогу по поводу возможной потери работы ввиду частых пропусков в связи с уходом за болеющими детьми. Для одиноких матерей проблема совмещения работы с воспитанием детей — одна из наиболее острых. Исследователи отмечают⁷⁷, что трудовые биографии женщин соответствуют циклам воспитания детей — потеря работы, уход из вуза у многих совпадают с рождением ребенка, а дальнейшие трудоустройства, переходы с одной работы на другую — с взрослением, поступлением ребенка в детский сад, школу, вуз. У матерей-одиночек, многие из которых лишены поддержки в домохозяйстве, такие циклы влияют на биографию особенно сильно.

Одиноким матери возможность поддерживать относительную автономию дают старшие дети, которые нередко принимают на себя груз домашних забот, а поступив на работу, могут внести вклад в бюджет домохозяйства. Данные шведских социологов также свидетельствуют, что монородительские семьи практикуют эгалитарные отношения в силу большей взаимозависимости между взрослым и ребенком в повседневной работе в домохозяйстве⁷⁸.

Наибольший компонент дохода домохозяйства одиноких матерей составляет заработная плата; эта доля на 10% выше, чем в целом для населения. Кроме того, доля правительственных и частных трансфертов в семейный бюджет значительно выше для домохозяйств с одиноким матерью, чем для среднего российского домохозяйства. При этом в домохозяйствах, где одинокая мать живет со своими родителями и детьми, доля дохода от пенсий выше, чем доля дохода от зарплаты. В то же время, для домохозяйств, где проживают лишь одинокий родитель с детьми, доля дохода от пособий почти в 7 раз ниже, чем доля дохода от зарплаты⁷⁹.

Женщинам приходится искать дополнительный заработок, но, во-первых, такой заработок отнюдь не всегда большой и стабильный, во-вторых, его не так просто найти (учитывая, что женщина много времени проводит на основной работе), в-третьих, женщине приходится меньше времени уделять детям. В более выгодном положении находятся одинокие матери, проживающие с родственниками или рядом с ними. Опрошенные не получают алиментов, которые, впрочем, составляют весьма незначительную сумму. По данным опросов домохозяйств, несмотря на высокий уровень разводов, алименты составляют лишь небольшую часть совокупного дохода домохозяйств. Их доля не превышает 5% в каждом раунде исследований RLMS, проводимых в России; она намного меньше, чем вклад отца, и меньше, чем деньги, которые приносит в бюджет домохозяйства второй работающий член нуклеарной семьи⁸⁰. По существующему законодательст-

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Социально-экономические факторы феминизации бедности // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. С.51-52.

⁷⁸ Bjornberg U. (Ed.) One-parent Families.

⁷⁹ Popkin B., Harris K.M., Lokshin M. Op.cit.

⁸⁰ Ibid.

ву после развода отец должен выплачивать на одного ребенка четвертую часть заработной платы, на двоих — треть, а если он нигде не работает, алименты составляют 900 рублей в месяц на одного ребенка. Однако получить их даже с помощью судебных приставов практически невозможно: существует целый ряд вариантов уклонения от уплаты алиментов. В 2002 г. опрос в одном из округов Москвы выявил, что лишь каждая восьмая женщина, которой полагались алименты, получала эти выплаты.

И. Калабихина поднимает справедливый вопрос о том, что система выплаты алиментов как модель отношений между отцом и ребенком морально устарела. Происходит это потому, что «инерция распределения семейных ролей, характерная для советского времени, когда, несмотря на высокую занятость, женщины практически полностью несли ответственность за воспитание детей, и сегодня продолжает формировать отношения отцов и детей»⁸¹. Безучастность второго родителя (как правило, отца) в воспитании детей является продуктом гендерной системы советского периода, сформировавшей низкую готовность женщин принимать поддержку от бывшего мужа и низкую готовность мужчин оказывать подобную поддержку.

Женщины связывают улучшение своего положения с взрослением ребенка. Они рассчитывают на собственные силы в большей степени, чем на помощь государства. Позиция государства характеризуется противоречием: декларируется активная политика занятости, делается акцент на ответственности родителей за благополучие своих детей, но одновременно ассигнования на детей одиноких матерей остаются низкими. Тем самым фактически игнорируются особые потребности монородительских семей. Косвенным образом воспроизводится установка, что альтернативное родительство, отличающееся по своей структурной композиции от нуклеарной семьи, является неверным и наказуемым.

Заключение. Исследования проливают свет на роль государственной политики в формировании паттерна семейной структуры и возможностей достойного уровня жизни. Рассматривая в качестве содержания социального гражданства номенклатуру социальных гарантий, предоставляемых государством семье в связи с рождением и воспитанием детей, можно было бы прийти к выводу о близости советской модели семьи к скандинавской слабой модели кормильца, если бы не объем предоставляемой социальной поддержки. Государство, стремясь к реализации гендерного контракта работающей матери, так и не смогло компенсировать отсутствие в монородительской семье второго члена, приносящего доход.

Данные показывают, что феномен материнских семей и социальная политика оказывают друг на друга взаимное влияние. При этом реализация соло-матерями их прав как граждан социального государства зависит от степени дружелюбности государства по отношению к женщинам, что включает развитие широкой сети общественных услуг по уходу за детьми и возможности найти оплачиваемую работу. Кроме того, для женщин важно иметь выбор между собственным обслуживающим трудом в домохозяйстве и общественными услугами.

На протяжении переходного периода отмечается рост числа детей в монородительских домохозяйствах по причине нестабильности браков, внебрачных рождений и высокого уровня смертности среди молодых взрослых. Снижение ценности детских пособий и алиментной поддержки, сокращение возможностей трудоустройства и реальных заработных плат оказывают негативный эффект на семейный доход одиноких родителей. Это повышает вероятность того, что семья одиноких родителей будет проживать в расширенном домохозяйстве, и такой паттерн совместного проживания среди семей одиноких родителей будет расти в будущем. С одной стороны, такая модель выгодна государству, поскольку позволяет экономить средства, перекладывая задачи финансовой и немонетарной поддержки на плечи родственников в расширенной семье. С другой, — существует

⁸¹ Калабихина И. Теоретические направления гендерного анализа домохозяйств и некоторые вопросы социальной политики. С.102.

много одиноких родителей, не имеющих родственной поддержки. Именно они характеризуются наибольшей уязвимостью перед лицом бедности.

Растущий уровень бедности среди одиноких родителей вкупе с дополнительными индикаторами снижения качества жизни их самих и их детей убеждает в необходимости немедленного решения проблемы на политическом уровне, в том числе путем повышения детских пособий одиноким родителям, расширения бесплатных услуг в сфере дошкольного, школьного и дополнительного образования, досуга и спорта. Предусматривая неизбежное давление на бюджет, необходимо снизить уровень поддержки для детей с двумя родителями или оптимизировать адресный подход, чтобы исключить небедных из социальной помощи. Вместе с тем адресная система социальной защиты не решит всех проблем одиноких родителей. Необходимо повысить шансы соло-матерей в сфере занятости, подготовки и переподготовки, реализовать гарантии нон-дискриминации в принятии решений работодателями относительно найма и карьеры.

Наше исследование показало, что роль социального обслуживания в конструировании статуса клиентов и граждан у одиноких матерей является неоднозначной. В одних ситуациях социальные работники добиваются позитивных изменений в жизни соло-матерей, способствуя тем самым реализации статуса полноценного социального гражданства. В других же ситуациях, которые, к сожалению, часто встречаются в практике социальной работы, особенно в провинции, где ресурсов у социальной службы явно недостаточно, — идентичность женщин урезается до статуса клиентов. В таких случаях сотрудники социальных служб ставят диагноз «нуждаемости» и требуют доказательств «малообеспеченности», ограничиваясь впоследствии снабжением клиентов дешевой натуральной помощью. Тем самым по сути дела воспроизводятся практики социального исключения.

Определение потребностей монородительских семей лишь в материальных терминах является недостаточным. Речь должна идти об общественном отношении к данному феномену, о признании структурных причин монородительства и бедности, а также о гуманистической практике социального обслуживания, нон-дискриминационных принципах профессиональной социальной работы. Обществу и государству в целом, а также социальным работникам, учителям и воспитателям пора понять, что одинокое родительство вовсе не представляет собой социальную патологию и не свидетельствует о кризисе института семьи.

В социальном обслуживании необходимо применять проактивный, гуманистический и нон-дискриминационный подход. Нельзя стигматизировать одиноких матерей только как клиентов или носителей исключительно семейных ролей и функций сквозь призму житейского и «женского» опыта. В таких случаях социальная работа, следуя сложившимся стереотипам, правилам объяснения и поведения, укрепляет несправедливое социальное устройство современного общества. Дело в том, что проблемы клиента могут быть следствием твердых убеждений о традиционных гендерных ролях. Очень многие социальные проблемы женщин являются следствием принятого до сих пор традиционного определения семьи, подразумевающего неравноправие и угнетение женщин. Многие модели социальной работы принимают такое определение, чем лишь усугубляют положение женщин. Так, в социальных службах подчас сводят сложные социальные проблемы одиноких матерей к индивидуальным психологическим особенностям, имеют тенденцию «обвинять жертву», возлагая на женщин ответственность за те проблемы, которые на самом деле имеют социальное происхождение, и тем самым отвлекают внимание от социальных условий.